

«И ЭТОЙ ВЕРЫ ХВАТИТ МНЕ НАДОЛГО...»

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Нила ГИЛЕВИЧА

Василь БЫКОВ: он «написал свыше двадцати поэтических сборников, каждый из которых в той или иной мере не только показывает развитие поэтического таланта, но и отражает жизнь родного народа».

НАЧНУ с признания и удивления.

Передо мной три небольшие поэтические книжки. Первая — «Песню берите с собою» — совсем тоненькая, правда, я уже знал, что у нее есть серьезное достоинство — всю ее перевел поэт-настоящий, не так давно ушедший от нас Дмитрий Ковалев. Книжку эту выпустила — как и полагается, поскольку первая в столице — «Молодая гвардия». В 1959 году.

Вторую книгу издал «Советский писатель» ровно через десять лет, в 1969 году. «Голубая криница». Авторизованный перевод с белорусского. Переводчиков много. Есть хорошие. Есть даже Александр Прокофьев. Я знаю, он любил белорусов, но все-таки переводил далеко не каждого.

А для третьей — «Мой белый день», выпущенной опять же «Советским писателем», понадобилось целых одиннадцать лет. Она 1980 года явления на свет русский.

В первой книжке, «молодогвардейской», портрета еще никакого нет: слишком молод, еще «не положено». В двух «совписовских» есть. Отличаются? Ну еще бы! Все-таки одиннадцать лет. На одном — ни единой морщинки, только у самого переносия две намечающиеся складки. На другом — те же складки уже врублись, и по лбу прошли горизонтальные нити морщин, впрочем, еще не так заметные. Серьезное лицо человека с характером, читающего какую-то книгу, и от мысли, от задумчивости несколько отрешенное и смягченное той же мыслью. Хороший портрет.

Вот, собственно, и все, что было у меня, когда мне предложили написать нечто вроде наброска к литературному портрету Нила Гилевича. Были, конечно, стихи, а это не так мало, даже если всего три сборника. Но много ли, достаточно ли, если от одного до другого по десятку лет гулкого пространства времени?

И тут мне повезло. Только что в Минск на белорусском языке вышла монография Г. Синенко, которая так и называется — «Нил Гилевич».

Белорусского я не знаю, но в конце концов язык близкий, родственный, пойму что-нибудь. И то, что я понял и узнал, я еще мягко называю удивлением. Мог бы и по сильнее найти слово. Но пусть будет удивление.

А пока о том, что я узнал. Выступая в 1978 году на авторском вечере Нила Гилевича, Василь Быков назвал его «одним из самых видных мастеров современной белорусской литературы». За четверть века, сказал он, поэт «написал свыше двадцати поэтических сборников, каждый из которых в той или иной мере не только показывает развитие поэтического таланта, но и отражает жизнь родного народа».

Двадцать сборников! А я прочел всего три — ничего себе диспропорция. А дальше я удивлялся все больше и больше. Ну, мне было известно, что, помимо лирики, в поэзии Нила Гилевича несколько неожиданно заметна сатирическая струя. Он выпустил ряд приметных сборников — «До новых веников», «Что грех, что два» и другие. Но в его русских книжках на это и намека нет, только лирик, хорошо хоть по каким-то стихотворениям пробежит легкая усмешка, скорее —

добрая улыбка. Если не крылья, то что-то вроде подкрылков, сообщающих стиху особую легкость и плавность полета, знаете, когда следишь с вниманием за этим полетом. И наслаждаешься им. А Нил Гилевич не просто юморист, но еще и сатирик, порой кинжальный...

Узнал я, что он и для детей пишет, у него есть даже сборник загадок для школьников «Синий домик, синий дом».

О, загадки!.. Тут я уже вступаю в обширную область деятельности Гилевича. Он один из крупнейших специалистов национального белорусского фольклора. Автор и составитель сборников «Поэтика белорусской народной песни» (1975), «Лирика белорусской свадьбы» (1979).

Который год он, профессор Минского государственного университета и, кстати, ученый не только в области фольклора: еще в 1952 году у него вышла работа о белорусской советской поэзии — «Окрыленная революцией», до сих пор не утратившая своего значения, а в 1978 году появилась книга публицистики и литературной критики, куда вошли и статьи, и литературные портреты, и выступления, и изящнейшие эссе.

И... тут я вступаю в пределы, где одни названия грозят съест так много места, что боюсь, как бы о самом главном не пришлось говорить впопыхах. Давно Гилевич дружит с болгарскими писателями. И дружба эта вылилась в ряд серьезнейших переводов, в создание антологий и научных работ.

Но и это не все! Помимо всякого рода общественной деятельности, которая, как известно, не поддается прямому учету, есть и учет вещественный. Василь Быков говорит, что Гилевич сделал столько в самых разных жанрах, что все сделанное им уложится не меньше, чем в полсотни томов. Представляете объем работы? А Нилу Гилевичу только осенью прошлого года исполнилось тоже пятьдесят. Выходит, по одному тому на год? Но не писал же он с пеленок... Поразительная работоспособность, я бы сказал, мощная энергия работоспособности.

Не могу не сделать небольшое, но, как я полагаю, существенное отступление. У нас написано немало о писателях военной поры, и объяснить почему — никакой необходимости нет. Но было и есть еще одно поколение, о котором принято писать «детство его было опалено войной». Сейчас этому поколению под пятьдесят и больше. Оно в самом зените своей зрелости. Это целое поколение, литературу которого стоило бы с этой, особой стороны изучить: они из тех, кто в годы детства видел то, что со страшным скрежетом и взрослым судьям ломало, то, что ребянку вообще видеть и переживать нельзя, не положено. А они все видели и все пережили. Такому детству не позавидуешь. Вот в литературе, может быть, единственный (впрочем, в гражданскую войну было что-то похожее) феномен, мимо которого мы, критики и литературоведы, по-

чему-то до сих пор мимо скользим, отделяясь стандартным «детство его было опалено...».

У каждого было страшное, пережитое, похожее и свое. И отдалось в жизни, в работе, творчестве покое и по-своему. Надо, пора об этом подумать. О них, как об особом поколении.

Я же лишь коротко скажу, как это было у Гилевича, которому в начале войны, заставшей его в деревне Слобода Минской области, не было и одиннадцати, а когда гитлеровцы были изгнаны из Белоруссии, не было и четырнадцати. Но многого мальчишка видел, понимал, конечно, не все, истинное понимание придет позже, но видел и хватил такого, что не дай бог...

А мне вспоминается
сорок четвертый,
Пустыня. Лишь пепел
над головой.
Дотла разоренный —
А все же не мертвый,
Испепеленный —
А все же
живой.
(Перевод Д. КОВАЛЕВА)

Это о Минске сорок четвертого. «Вспоминается...» Какое там вспоминается, когда было вроде совсем недавно стихотворение из первого сборника «Песню берите с собою». Но это для нас и теперь «вроде», а тогда, в начале пятидесятых, казалось, что уже давно.

И от тех радостно-удивленных и горьких строк почти тридцатилетней давности я вижу прямую и стремительный путь к строкам-воспоминаниям, явившимся уже в последней книге:

И я над черной бездной
горя
Стоял, дивуясь, что дышу,
И думал, что, с судьбой
не споря,
Уж ничего не напишу,
Но возвращалось солнце
снова,
От сердца отступала тень,
И снова мне родное слово
Светило, словно
белый день!
(Перевод С. КУЗНЕЦОВОЙ)

Стихотворение называется «Мой белый день». Вся книга тоже так называется. В восьми строчках — один из миггов жизни, какой никогда не забудешь. Белый день — ясный, не обязательно солнечный, но непременно ясный, — это же так много после бездны горя! Бывшего. И возможного.

Это диалектика умудренного человека, много, глубоко думающего. В первых книжках Гилевича эти размышления иногда отдают риторикой, в них вполне естественная радость молодого человека, прошедшего ад войны и получившего в подарок такую бесценность, как жизнь. И в них его тогдашняя действительность, начиная с самих заголовков стихотворений — «В студенческом общежитии», «Комсомольская свадьба», «На пороге жизни» (между прочим, он уже прожил целую жизнь, а ощущение, что он еще на пороге). Но и в тех стихах всюду внимание к своим друзьям, своим современникам, не обязательно молодым. И потому даже там «Нет, для меня с такой силой еще весна костры не жгла, и теплота так не пылила, и так калина не цвела, где не различаю, чего больше: радости молодости или падающей на эту радость тени минувшего военного лихолетья...

Потом от книги к книге серьезный взгляд на жизнь со всеми ее непростыми вопросами начнет у Гилевича забирать все большую и большую власть, и он охотно этому подчинится. И подчинение ли это, а может, тоже власть над своею же мыслью? Критики станут говорить об усилении в поэзии Гилевича медитативного начала. Я бы сказал иначе: гражданственность обретает у него плоть жизни, сдувает налет риторики, и сама жизнь заговорит в его поэзии своим естественным голосом. Голосом, кстати, не некоего поэта, а самого Гилевича, его, личным. Не случайно он же сказал как-то: «Гражданственность — это когда литература начинается не с работы пера, а с работы сердца...»

Я заметил о стремительности пути Гилевича раннего к нынешнему. И это одна из существенных примет поколения, к которому принадлежит он. Стремительность оттого, что оно, это поколение, раньше времени повзрослело, почувствовало на своих плечах ответственность за судьбы людей. И потому при мощном, молодом напоре внутренней жизни, при том, что тот же Гилевич много написал, он ни в какой степени не утратил пристальности раздумья, не стал обильнословным. Остался честным перед собой, перед близкими, перед своей памятью:

Представить мне сегодня
не дано,
Как улыбалась тетя
Михалина...
Ведь отдала войной
и дочь и сына
И на пригорке спит
сама давно.
Не может быть,
чтоб даже в тязной доле
Улыбка не мелькнула
на устах,
Не отошла душа на миг
от боли...
Но вот припомнить
не могу никак.
(Перевод С. КУЗНЕЦОВОЙ)

Необыкновенно честные стихи. И вот пример, когда и мужественные, и гражданские, и грустные, и серьезно-углубленные.

Таких у нынешнего Гилевича немало. Его последний московский сборник содержит и поэмы «Неделеня», «Обручение», «А рассвета уже не было». В них есть свои достоинства, но, по чести говоря, нравятся они мне меньше, чем его короткие, но нередко емкие лирические размышления. Я бы смог привести их десятками. Нет, не откажу себе и, надеюсь, читателю в этом удовольствии.

В наш бойный век,
что отучил молчать,
Дав жажду речи всем
без исключения,
В ненайденные верю я
реченья,
Которым, может,
и не прозвучать
В ребяческой наивности
моей
Я свято верю в них,
как верят в догмы,
И этой веры хватит мне
надолго,
Во всяком разе —
до последних дней.
(Перевод В. ГОРДЕЙЧЕВА)

Вы чувствуете: в этих стихах — явственное желание поймать жар-птицу: еще не найденное реченье. В них же — обещание и наша читательская надежда встречи с новым Гилевичем.

Поэзия Н. Гилевича — чистая, многозначная, говорящая с нами, как бы сама с собой, — и в этом ее особая прелесть. Но почему же тогда за столько времени, удивляюсь я, всего три книжки на русском? Сам Гилевич, как свидетельствует тот же Г. Синенко, перевел на белорусский язык более 350 авторов. А мы — лишь три книжки. Все-таки бесхозяйственные мы, друзья-товарищи. Тем более что поэт идет к нам, посмотрите, в какой доверчивостью:

О да, поэт — великий
фантазер!
Но иногда он не брался
с ложью.
На все его творенье
непреклонны,
Но это не пустынный
милый вадор.
Пусная гнетет безжалостно
судьба,
Он все равно приходит
и вам с любовью.
А если и обманет —
то себя,
А если помереет —
над собою.
(Перевод П. КОШЕЛЯ)

Ничего не хочу добавлять к этому. Жду новой книги поэта. На русском. И на других языках.

Алексей КОНДРАТОВИЧ